

**НАДО КОРОВА ДОИТЬ!
НОМИНАТИВНЫЙ ОБЪЕКТ
В СЕВЕРНОРУССКИХ ДИАЛЕКТАХ¹**

Р. В. Ронько

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» / ИЯз РАН*

1. Введение

В центре внимания в этой статье находятся конструкции севернорусских диалектов, подобные следующим:

- (1) *Весной приедешь, так только пашня(Nom) пахать, картошка(Nom) перебирать, все там* (Карел., Пудож., с. Бочилово [Маркова 1989: 25])

Аргумент *пашня* глагола *пахать* маркируется здесь именительным падежом несмотря на то, что с точки зрения семантики он соответствует прямому дополнению данного глагола во всех его других, финитных употреблении. Основной способ оформления прямого дополнения в русских говорах — это использование аккузатива:

- (2) *Так закроют корову(Асс), она месяц не приходит* (Арх., НКРЯ)

Данная вариация интересна тем, что именные группы (далее ИГ) при переходных глаголах в позиции прямого дополнения² кодируются двумя разными падежами. Традиционно конструкции типа (1) называются *конструкциями с номинативным объектом*

¹ Я благодарю за комментарии участников рабочего совещания, посвященного дифференцированному маркированию актантов, которое проходило в Институте языкознания РАН 22—23 апреля 2016 г, А. В. Циммерлинга, М. В. Трубицину, а особенно И. А. Сержанта за ценные дискуссии и замечания на каждом из этапов этой работы, а также А. В. Малышеву и И. Б. Качинскую за предоставленный материал и введение меня в мир русской диалектологии.

² Синтаксический статус данных ИГ обсуждается в разделе 6.

(или конструкциями с именительным падежом прямого дополнения). Поскольку данный актант в других формах глагола маркируется аккузативом, номинатив объекта в данных конструкциях можно трактовать как частный случай дифференцированного маркирования объекта, где ИГ в позиции объекта при определенных условиях может получать именительный падеж (далее и.п.), при этом в «стандартном» случае (как например в (2)) ИГ получает винительный падеж (далее в.п.).

Конструкции с номинативом объекта в севернорусских диалектах не ограничиваются основывающимися на независимом инфинитиве (I) (как в примере (1) выше), а встречаются еще и в следующих синтаксических контекстах (во всех контекстах возможны оба варианта падежного маркирования):

При инфинитиве, зависящем от другой формы инфинитива (II):

- (3) *Пойти тряпка намочить* (Вологод., Андомск., Ольково [Маркова 1989: 25])

При инфинитиве, зависящем от безличного глагола (III):

- (4) *придется изба мыть* (Вологод., Вытегор., Кудамозеро [Маркова 1989: 26])

С финитными формами (IV):

- (5) *Не́, я не вяза́ла. Пря́ла, ра́ньше конопля́(Nom)-то вози́ли, а не́ было прэ́ден* (вологод., из фонотеки отдела фонетки ИРЯ)

При инфинитиве, который зависит от предикативного модального предикатива ‘надо’ или других модальных предикативов (V):

- (6) *Видно, отец... Надо́ было баня(Nom)-рубить, видно, срубили баню, отец, видно, сказал, что надо́ то ли одно, то ли два окна, видно рубить, на баню, в бане* (Арх., НКРЯ)

Аналогично (6) но с прямым дополнением, предшествующим глагольной группе (VI):

- (7) *Капу́ста на́до почи́стить* (Арх., Уст., д. Синики)³

³ Транскрипция личных примеров дана в соответствии с «упрощенной транскрипцией», представленной в Архангельском Областном Словаре [АОС 1980: 50—53]

С модальным предикативом без глагольной формы (VII):

- (8) *Надо ли вода́ тѣтя Кáть?* (Арх., Уст., д. Синики)

При инфинитиве, который зависит от финитной формы (VIII):

- (9) *Ходил корова доить* (Вологод., Андомск., Ольково [Маркова 1989: 27])

В предложных группах, где номинатив вообще не зависит от предиката (IX):

- (10) *он идет на могила* (Nom) [Timberlake 1974: 107]

Явление дифференцированного маркирования объекта (в статье будет использована аббревиатура DOM, от англ. Differential Object Marking, которая используется в лингвистической литературе) распространено более чем в 300 языках мира [Bossong 1985], а Г. Егер [Jäger 2007: 102] в своей работе утверждает, что DOM так или иначе присутствует почти во всех аккумулятивных языках. Суть этого феномена заключается в расщепленном кодировании пациентивного участника ситуации, выраженного ИГ в позиции прямого дополнения, в зависимости от прагматических или семантических свойств этого участника или всей ситуации в целом [Aissen 2003, Bossong 1985]. В работе [Witzlack-Makarevich, Seržant (in print)] есть попытка классификации разных типов DAM (для обозначения явления дифференцированного маркирования аргументов используется аббревиатура DAM, от англ. Differential Argument Marking). Данная классификация выделяет два противопоставления: *argument-triggered DAM vs predicate-triggered DAM* — в этом противопоставлении выбор падежа аргумента зависит или от свойств ИГ или от свойств предиката; *restricted DAM vs unrestricted DAM* — здесь позиция, где есть вариативность падежа, ограничивается или не ограничивается определенными синтаксическими или семантическими свойствами предиката. В процессе исследования мы установим, к какому именно типу относится случай с номинативным объектом в севернорусских диалектах. В современной типологии изучаются факторы, способствующие появлению DOM в разных языках. Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы описать семантические и грамматические свойства данных конструкций и определить факторы, которые влияют на механизм выбора падежа **прямого дополнения в севернорусских диалектах**.

Статья структурирована следующим образом: в разделе 2 мы рассмотрим литературу о номинативных объектах в работах по русистике, в разделе 3 рассмотрим имеющийся в нашем расположении материал, в разделе 4 разберем влияние параметров одушевленности и референтности на маркирование объектных ИГ, в разделе 5 обсудим информационную структуру и порядок слов в конструкциях с номинативными объектами, в шестом разделе рассмотрим категорию модальности в предложениях с данной конструкцией, в разделе 7 обсудим синтаксический статус изучаемых ИГ и в заключении суммируем полученные данные.

2 Проблема и.п. прямого дополнения в работах по русистике и русской диалектологии

Данная конструкция неоднократно рассматривалась в славистике и русистике со времен А. В. Попова [Попов 1881: 42] и А. А. Потебни [Потебня 1874: 372–375]. Если А. А. Потебня обсуждает данные конструкции в древнерусском языке, то А. В. Попов замечает их в севернорусских диалектах в материале Барсова [Барсов 1872]. Попов и Потебня обсуждают синтаксический статус и происхождение данных конструкций, отмечают, что в диахронии номинативные ИГ в интересующей нас позиции имели статус подлежащего. Ю. С. Степанов [Степанов 1984] рассматривает данные конструкции с точки зрения эволюции грамматического строя индоевропейских языков и отмечает наличие модальности долженствования в рассматриваемых им примерах. А. Тимберлэйк в своей книге рассматривает древнерусские и севернорусские клаузы с дополнением в именительном падеже в сравнении со схожими конструкциями в литовских и латышских диалектах и постулирует в данной позиции грамматический объект, который возник как калькирование подобных конструкций в некоторых финно-угорских языках [Timberlake 1974]. В. Б. Крысько в своей работе [Крысько 1994: 192–197], разбирая древнерусский материал, поддерживает мнение Попова и Потебни об изначальном субъектном значении данных оборотов. Закрепление конструкций «и.п. с инфинитивом» в функции в.п. он связывает с регуляризацией «категории одушевленности/неодушевленности» и распространением «соответствующей парадигмы на все парадигмы единственного числа» [Крысько 1994: 197]. В нашей работе

[Ронько 2016] представлен анализ древнерусских конструкций с номинативным объектом при инфинитиве, как в примере

- (11) *въ волости твоеи толико вода пити в городицѣхъ* 'В Городище, твоём владении, только воду пить' [Зализняк 2004: 447] (40—70-е гг. (предпочт. не ранее 60-х гг.) XII в.)

В большинстве контекстов в древнерусском языке, где мы можем диагностировать номинативный объект, объекты являются существительными женского рода на *-а* в единственном числе, другие существительные из-за своих парадигматических свойств не дают различать данные конструкции. «Типичные» конструкции подобного рода обладают модальностью долженствования, ИГ, как правило, неодушевленная, нереферентная, стоит перед инфинитивом и находится в реме или актуализированной теме (подробнее см. в [Ронько 2016]).

Можно предположить, что в современных говорах произошло существенное распространение номинативных объектов на другие синтаксические контексты. В том числе, данный тип объектов распространился и на финитные клаузы (см., например, [Филин 1969: 74]).

Среди работ по русской диалектологии необходимо отметить работу Кузьминой и Немченко [Кузьмина, Немченко 1964], в которой последовательно рассматриваются конструкции с номинативом объекта при разных формах переходных глаголов и конструкции с номинативом объекта при предикативных наречиях. Сделан вывод, что появление этих конструкций провоцируют одни и те же условия (условия возникновения данных конструкций описаны в 4, 5 и 6 разделах), описан ареал распространения данных конструкций. При этом необходимо отметить, что данные исследователи в своей работе не касаются синтаксического статуса данных ИГ.

3. Данные

Материал для работы был взят из работ Н. В. Марковой [Маркова 1989], А. Тимберлейка [Timberlake 1974], Устьянского корпуса, НКРЯ, записей и расшифровок экспедиций в разные районы Архангельской области, предоставленных А. В. Малышевой и И. Б. Качинской, а также собран в экспедиции в деревне

Синики (Архангельская область, Устьянский район), организованной кабинетом диалектологии МГУ.

Обычно о феномене номинатива объекта говорится как о черте, характерной исключительно для севернорусских диалектов. Однако в статье С. И. Коткова [Котков 1959] приводятся данные о подобных конструкциях в южновеликорусских диалектах XVII—XVIII века, в которых содержится 33 клаузы с номинативными объектами.

В современных южнорусских диалектах также встречаются данные конструкции, но весь известный материал ограничивается небольшим корпусом примеров. Например, в статье В. И. Собинниковой [Собинникова 1958] отмечены редкие конструкции с номинативом объекта в современных воронежских говорах. В связи с тем, что на данном этапе у нас нет достаточного количества данных о номинативе объекта в южнорусских диалектах, мы ограничимся замечанием о том, что он там действительно присутствует и приведем несколько примеров:

- (12) *И рубáха видáть у минé, дá?* (Татарино Каменского р-на Воронежской области; пример из личной коллекции А. В. Малышевой)
- (13) *И йедá им уáтôв'ит'* (с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской области; пример из личной коллекции А. В. Малышевой)

В севернорусских диалектах это явление широко распространено. Наше исследование основано преимущественно на материале из Устьянского района Архангельской области, материалах из Онежских говоров, представленных в работе [Маркова 1989], а также на данных из публикаций других исследователей. В следующей таблице представлен материал, привлекающийся в данной работе согласно следующим типам контекстов, в которых встречается номинатив объекта: при инфинитиве (пример 1, конструкция I); при инфинитиве, зависящем от другой формы инфинитива (пример 3, конструкция II); инфинитив, зависящий от безличного глагола (пример 4, конструкция III); при финитных формах (пример 5, конструкция IV); при инфинитиве, который зависит от модального предикатива (пример 6, конструкции V, VI); при модальном предикативе без глагольной формы (пример 8, конст-

рукция VII); при инфинитиве, который зависит от финитной формы (пример 9, конструкция VIII); в предложной группе (пример 10, конструкция IX)

Таблица 1. Типы конструкций с номинативом объекта

Источник	I	II	III	IV	V, VI	VII	VIII	IX
Арх. Уст. д. Синики	3	1	1+0	10	4	9	1	1
Устьянский Корпус	4	4	0	1	7	3	0	0
Корпус НКРЯ	8	0	0	0	2	1	0	0
Маркова 1989 ⁴	81	5	9+1	64	193	0	13	23
Timberlake 1974	4	3	0+	2	3	0	0	1
Степанов 1985	1	0	0	0	2	2	0	0
Всего	100	13	11	77	211	15	14	25

4. Одушевленность и референциальный статус

Для анализа данного явления мы решили исследовать действие стандартных факторов-лицензоров DOM. Одушевленность и референциальный статус — те факторы, которые регулярно упоминаются в работах про DOM, их влияние на кодирование объекта описывается для самых разных языков. В современной типологии значения этих параметров выстраиваются в иерархии:

Иерархия одушевленности

Личные местоимения > Имена собственные >

Нарицательные обозначения людей >

Нарицательные обозначения животных >

Нарицательные неодушевленные [Silverstein 1976].

Иерархия определенности:

Местоимение > Имя собственное > Определенное имя >

Референтное неопределенное имя >

Нереферентное имя [Givon 1990]

⁴ В этой графе приводятся данные, на которых строится исследование Н. В. Марковой. В дальнейшем будут учитываться примеры, опубликованные в работе Марковой (всего 164 примера), исключая фольклорный материал.

Согласно полученным данным, исследованные конструкции не имеют варьирования по второму параметру, из-за этого нам кажется удобным представить данные только по шкале одушевленности. В таблице 2 представлена совокупность данных по всем типам конструкций, т.к не было обнаружено особенных различий у объектных номинативных ИГ в разных синтаксических контекстах⁵.

Таблица 2. Одушевленность/неодушевленность номинативных объектов

Источник	Нарицательные неодушевленные	Нарицательные обозначения животных	Нарицательные обозначения людей	Имена собственные
Устьянский Корпус	18	3	1	0
Корпус НКРЯ	10	1	0	0
Timberlake 1974	10	2	0	1
Маркова 1989	143	13	7	1
Арх. Уст. д. Синики	23	5	3	0
Итого	204 (84%)	24 (10%)	11 (5%)	2 (1%)

Как можно увидеть из таблицы, большая часть номинативных объектов — нарицательные неодушевленные имена. Далее, чем левее в иерархии одушевленности находится объектная ИГ, тем реже она допускает номинативное маркирование. Местоимения никогда не выступают в роли номинативных объектов и всегда маркируются в.п.. Данное распределение в целом повторяет картину действия данного параметра в других языках мира [Коношенко 2009, Лютикова 2014, Сердобольская, Толдова 2012, Aissen 2003, Timberlake 1975]. Такое же распределение мы можем

⁵ Распределение номинативных объектов на шкале одушевленности в разных синтаксических конструкциях приблизительно повторяет общее распределение, например в конструкциях с независимым инфинитивом (I): 32-4-2-0; с инфинитивом, зависящим от другого инфинитива (II): 6-4-1-1; при инфинитиве, зависящем от безличного глагола (III): 12-1-0-0; с финитными формами (IV): 61-10-2-1; при инфинитиве, который зависит от модального предикатива (V, VI): 41-4-1-0; при предикативе (VII): 21-1-0-0; при инфинитиве, который зависит от глагола: 9-3-1-1; (VIII): в предложной группе (IX): 20-3-2-0

наблюдать в ареально близкой ситуации в конструкциях с номинативом объекта при дебитиве в латышском языке [Seržant, Taperte 2016].

Для сравнения приведем выборку аккузативных объектов из диалектного подкорпуса НКРЯ.

Таблица 3. Одушевленность/неодушевленность аккузативных объектов

Источник	Нарицательные неодушевленные	Нарицательные обозначения животных	Нарицательные обозначения людей	Имена собственные
Корпус НКРЯ	110 (55%)	40 (20%)	44 (21%)	9 (4%)

В таблице 3 для аккузативных объектов мы видим другое распределение в иерархии одушевленности. Нарисательные обозначения животных и людей встречаются примерно в равных долях. Доля имен собственных значительно выше среди аккузативных объектов. 84 процента неодушевленных имен по сравнению с 55 процентами являются значительным отличием. Таким образом, мы можем утверждать, что распределение, показанное в таблице 2, не коррелирует исключительно с частотой встречаемости разных типов объектов в текстах, но действительно указывает на особое предпочтение номинативного маркирования, связанное с неодушевленностью.

В большинстве случаев номинативные объекты должны быть нереферентными, слабоопределенными или неопределенными для говорящего (в данной работе мы определяем тип референциального статуса по [Падучева 1985]). Однако встречаются и референтные употребления номинативных объектов:

- (14) *Проси у царя, чтобы на блюде голова принести ему на пир, Иоанна Крестителя* (Арх., НКРЯ)
- (15) *Э́то (указывая пальцем) тóпка тóпим* (Арх., Уст., д. Синики)

В нашем материале также встретилось 2 примера, где в роли номинативного объекта выступает имя собственное:

- (16) *Ленка четыре года не могли прописать* (Карел., Прионеж., Машозеро [Маркова 1989: 27])
- (17) *Позови сюда Генка* [Кузьмина, Немченко 1964: 152]

5. Порядок слов и коммуникативное членение предложения

Порядок слов и информационная структура предложения также отмечены как факторы, влияющие на механизмы DOM, например, в уральских и балтийских языках [Seržant 2016; Сердобольская, Толдова 2012]. В рамках конструкций (I, II, III, IV, V, VI, VII,) положение объекта относительно предиката распределяется следующим образом:

Таблица 4⁶. Порядок слов в конструкциях с номинативом объекта, исключая конструкции с предложными группами и конструкции с предикативами без глагольных форм

Источник	OV	VO
Арх. Уст. д. Синики	11 (6)	5 (4)
Устьянский Корпус	14 (1)	4 (0)
Корпус НКРЯ + Timberlake 1974	20(2)	5 (0)
Маркова 1989	100 (37)	31 (16)
Итого	145 (46) — 76%	45 (20) — 24%

Среди рассмотренных нами источников в данных конструкциях номинативный объект стоит перед глагольной формой в 76% случаях. В данной таблице объединены различные инфинитивные конструкции и конструкции с финитными формами. Важно отметить, что конструкции с финитными формами в вопросе порядка слов ведут себя схожим образом (распределение OV 56 — VO 20)

Факт преобладания порядка OV над VO мы рассматриваем с двух точек зрения. С одной стороны, это реликт возможной прошлой субъектности данного аргумента. Подобный аргумент приводится для описания схожей ситуации с порядком слов в латышском языке [Seržant, Taperte 2016]. С другой стороны, причина подобного порядка слов может скрываться в информационной структуре подобных конструкций.

Для сравнения в таблице 5 приведена сопоставимая выборка аккузативных объектов из диалектного подкорпуса НКРЯ.

⁶ В скобках указано количество конструкций с финитными глаголами без инфинитива

Таблица 5. Порядок слов с аккузативными объектами при инфинитивах и финитных глаголах на основе выборки из диалектного подкорпуса НКРЯ

	OV	VO
С инфинитивами	230 (58%)	167 (42%)
С финитными глаголами	71 (65%)	38 (35%)

В конструкциях, где номинативный объект зависит от модального предикатива без глагольной формы (VII), частотные данные по пре- и постпозиции объекта относительно предиката распределяются другим образом:

Таблица 6. Порядок слов в конструкциях с предикативами (VII)

Источник	Объект-Предикатив	Предикатив-Объект
Арх. Уст. д. Синики	3	6
Устьянский Корпус	2	1
Корпус НКРЯ	0	2
Маркова 1989	0	0
Итого	5 (36%)	9 (64%)

В конструкциях, где участвуют предикатив, инфинитив и номинативный объект, данные элементы могут располагаться по-разному:

Таблица 7. Порядок слов в конструкциях при инфинитиве, который зависит от модального предикатива 'надо' или других модальных предикативов (V, VI)

Источник	Предикатив-Инфинитив-Объект	Предикатив-Объект-Инфинитив	Объект-Предикатив-Инфинитив	Объект-Инфинитив-Предикатив	Инфинитив-Предикатив-Объект
Арх. Уст. д. Синики	0	0	4	0	0
Устьянский Корпус	4	2	1	0	0
Корпус НКРЯ	0	1	1	0	0
Маркова 1989	3	16	5	1	1
Timberlake 1974	1	2	0	0	0
ИТОГО	5 (11%)	21 (55%)	11 (28%)	1 (3%)	1 (3%)

Так же, как в конструкциях типа VII, модальные предикативы предпочитают занимать позицию перед объектом и одновременно перед инфинитивом. Данный факт может выступать косвенным аргументом в вопросе о сопряженном либо независимом образовании конструкций V, VI и VII.

- (18) *мужыкám надо такáја дэфка, дак штóб дэфка* (Арх., Уст., д. Синики)
- (19) *надо ночью эта рыба ловить* (Лен. Подпорож. Пидьма, [Маркова 1989: 27])

Если рассматривать данные ИГ с точки зрения информационной структуры, то мы увидим, что во всех интересующих нас примерах есть прагматическое основание для выбора падежа. Здесь мы используем понятие «тема» и «рема», «вопросительный» и «невопросительный компонент вопроса», а также понятие «фокуса контраста» [Ковтунова 1976; Янко 2001]. Под коммуникативной составляющей мы имеем виду носителя коммуникативного значения. Это могут быть темы, ремы, вопросительные и невопросительные компоненты вопросов, контрастные темы, контрастные ремы... [Янко 1999: 11].

Перечислим возможные варианты объектных номинативных ИГ в разных коммуникативных составляющих:

Номинативный объект в реме:

- (20) *У м'ен'я́ этот шáр'ик бол'шой́ мнэ́ эт'их двé надо́ рез'и́нк'и нат'яга́т' ужé. А вн'изу́ мо́жно тр'япоч'ка.* (Арх., Уст., д. Синики)

Номинативный объект в вопросительном компоненте вопроса:

- (21) *Ви́лка надо́?*
— *Нет.* (Арх., Уст., д. Синики)

Номинативный объект в предложении с эмфатическими частицами. В нашем корпусе встретились только примеры с частицей 'ведь':

- (22) *Гусе́м ве́дь надо́ вода́* (Арх., Уст., д. Синики)
- (23) *да́к ему́ ве́дь надо́ соба́ка* (Арх., Уст., д. Синики)

Номинативный объект в фокусе контраста:

- (24) *А, по рекé: Ондáтру, вы́дру, бобра́, а нóрка не приходíлось мне стреля́ть* (Арх., Уст., д. Синики)

В таблице 8 показана связь номинативных объектов с информационной структурой клаузы.

Таблица 8. Коммуникативный статус номинативных объектов

Источник	Тема (\approx Топик)	Рема, вопросительный компонент вопроса, фокус контраста
Арх. Уст. Д.Синики	4	27
Устьянский Корпус	2	19
Корпус НКРЯ	1	7
Итого	7 (11%)	53 (89%)

В таблицу вошли данные из тех источников, в которых есть достаточно длинные контексты для определения информационной структуры. В этих данных из 53 коммуникативных составляющих, попавших в часть таблицы «фокус в широком смысле слова», 47 являются ремами, 2 вопросительными компонентами вопроса, еще в двух рема дополнительно маркирована контрастом. Из таблицы видно, что и.п. прямого дополнения скорее связан с фокусом (89%) примеров, чем с топиком (11%). Исходя из этих данных, мы можем предположить, что порядок слов OV в данных конструкциях — следствие операции, передвигающей рему в левую часть предложения.

6. Модальность

В севернорусских диалектах клаузам с номинативными объектами часто сопутствует наличие модальности в клаузе. Это выражается модальными предикативами типа *надо*, а также с помощью различных конструкций с инфинитивами (см. примеры (1), (3) и (4)). Наиболее распространенный тип модальности — модальность долженствования В онежских говорах, согласно материалам Н. В. Марковой, на долю подобных модальных конструкций приходится больше половины случаев употребления номинативного объекта, при этом 52 процента конструкций содер-

жат предикатив *надо* (в эти подсчеты включены все типы конструкций с предикативом *надо*). В других говорах ситуация схожая.

(25) *Дэфка такáя внúчка былá, дак мýж не лúбит, ушéл, говорил: не нáдо такáя дэфка, брóсил с двумя робятами, мужыкáм нáдо такáя дэфка, дак штóб дэфка, штóб она знáла домáшний-то бýт.* (Арх., Уст., д. Синики)

(26) *Сúхо бýло. Картóшка нáдо бýло и поливáть ужé.* (Арх., Уст., д. Синики)

Встречаются клаузы с другими типами модальности, например, с модальным предикативом ‘можно’.

(27) *А внизу мóжно (прикрепить) тряпóчка* (в инструкции по изготовлению изделия из фантиков из под конфет) (Арх., Уст., д. Синики)

(28) *Можно вырастить борóдка* (Вологод., Вытегор., Девятины [Маркова 1989: 26])

Из всех синтаксических типов конструкций только конструкции, где номинативные объекты зависят от финитных форм, могут не содержать модальной составляющей в семантике (см. примеры (5) и (30) ниже):

(30) *И дéлаит хорóшая дорóга рóвная* (Арх., Уст., д. Синики)

На долю примеров с финитной формой глагола приходится меньшая часть от общего числа примеров с номинативным объектом: 9 процентов от всех примеров по материалам Марковой (34 из 373 употреблений), 35 процентов (10 из 29) из данных по деревне Синяки (Арх., Уст.), 5 процентов (1 из 17) по данным Устьянского корпуса.

7. Синтаксический статус номинативной ИГ

Вероятно, исторически номинатив объекта возник из переосмысления первоначального подлежащего [Потебня 1874, Попов 1881, Степанов 1984] как прямого дополнения. Именно такое развитие мы можем наблюдать в балтийских языках [Ambrazas 2001, Seržant 2016]. Например, согласно [Seržant 2016], у литовских номинативных конструкций есть как субъектные, так и объект-

ные свойства, и они поэтому находятся как бы в переходном состоянии, при этом латышские номинативные объекты в дебитивной конструкции скорее являются объектами [Seržant, Taperte 2016].

Именительный падеж в русском языке обычно кодирует аргумент со статусом подлежащего, однако в данном случае этот признак исследователями не рассматривался как достаточный для определения синтаксического статуса. Действительно, ИГ в и.п. остается в позиции прямого дополнения, даже если в предложении нет другой ИГ в и.п.. Чтобы доказать это, мы рассмотрим некоторые признаки грамматического приоритета (помимо нахождения исследуемых ИГ в и.п.), которые присущи каноническим подлежащим в русском языке, взятые по [Тестелец 2001], и попытаемся доказать, что номинативные ИГ не являются подлежащими, а имеют статус прямого дополнения. Так мы сможем понять, имеет ли под собой основания анализ данных конструкций с точки зрения рубрики DOM.

1. Контроль согласования.

Контроль согласования является одним из двух главных признаков канонического подлежащего в русском языке. В контекстах с номинативом объекта при формах финитного глагола согласование аргумента с предикатом по числу (см. пример 31), роду, лицу (в пр. времени, смотри пример 32) отсутствует.

(31) *ф какóм колхóз'е нáшут в'аснóй яровáя*(Nom), *от он'и кóрм'яц'а, сýп нóс'им, хл'éба каравáй* (Арх., Уст., д. Синики)

(32) *тóже где пос'óлок дáк тáм и постáвили больнiца*(Nom) (Арх., Уст., д. Синики)

Для номинативных объектов в инфинитивных клаузах мы данный аргумент использовать не можем.

2. PRO⁷ и место подлежащего в придаточном предложении.

В придаточном предложении позиция подлежащего занята PRO, которое контролируется подлежащим ОНИ из матричной клаузы. ИГ дополнения является в данном примере номинативным объектом.

⁷ «В порождающей грамматике нулевое подлежащее, которое возникает в позиции, обычно не допускающей появления фонетически выраженного подлежащего, принято называть PRO» [Тестелец 2001: 287].

- (33) *я своих детей отправила в Архангельск, что думаю, неужто они всю жизнь будут эти листочки рвать с деревьев, чтобы [PRO] прокормить скотина* (Арх., Уст., д. Синики)

Контроль PRO осуществляет другая именная группа, которая и является подлежащим.

Следующие два аргумента не являются признаками грамматического приоритета, но являются косвенными признаками того, что изучаемые ИГ являются прямыми дополнениями.

3. Номинативные объекты в изучаемых конструкциях являются логическими объектами

4. Номинативные объекты имеют особую информационную структуру.

Номинативные объекты имеют коммуникативный статус ремы или вопросительного компонента вопроса, что часто является дополнительным свойством прямых дополнений (в том числе и аккузативных) в русском языке. Подробнее об этом см. раздел 5.

Изучаемые ИГ, разумеется, не являются каноническими прямыми дополнениями, но по своим синтаксическим свойствам находятся ближе всего к данному статусу, а значит возможно анализировать эти конструкции с точки зрения явления DOM.

Заключение

В нашей работе мы проанализировали несколько типов конструкций с номинативом объекта в севернорусских диалектах с точки зрения явления DOM. Типологически поведение данных конструкций в языке стоит признать относительно стандартным. Действие таких факторов, как одушевленность и референтность сходно с приблизительной общей картиной в других языках с DOM: номинативные объекты тяготеют к неодушевленности и нереферентности. Наличие в этих конструкциях особого статуса с точки зрения информационной структуры (тяготение к фокусу) сопоставимо с ситуацией в географически близких балтийских и финно-угорских языках. Фактор информационной структуры является важным для образования изучаемых конструкций, номинативные объекты находятся в фокусе разного типа. Порядок слов в данных конструкциях может с одной стороны объясняться

рефлексом их синтаксического статуса в диахронии и с другой стороны особенностями информационной структуры, которые обсуждались в разделе 6.

Синтаксический статус конструкций с номинативом объекта не проходит несколько стандартных тестов на статус подлежащего, поэтому мы анализируем их с точки зрения DOM, хотя, разумеется, признать их каноническими прямыми дополнениями было бы неверно.

С точки зрения типологии описанный тип DOM относится к *restricted argument-triggered DOM* согласно работе [Witzlack-Makarevich, Seržant (in Print)]. Механизм дифференцированного маркирования объекта в данном случае определяют свойства объектной ИГ, но этот механизм ограничен определенным количеством контекстов, связанных с формой предиката.

Конструкции с номинативом объекта в севернорусских диалектах претерпели ряд существенных изменений по сравнению с древнерусским языком. Значительно увеличилось число возможных контекстов появления номинативных ИГ в позиции прямого дополнения, ограничение на неодушевленность и нереперентность номинативных ИГ стало менее строгим.

Список сокращений

Арх. — Архангельская область, Вологод. — Вологодская область, В.п. — винительный падеж, Д. — деревня, ИГ — именная группа, И.п. — именительный падеж, Карел. — республика Карелия, Лен. — Ленинградская область, Уст. — Устьянский район

Литература

- АОС 1980 — Архангельский областной словарь // Под ред. О. Г. Гецово-вой. Вып. 1. М.: Издательство Московского университета, 1980. [Arkhangel'skii oblastnoi slovar' [Dictionary of the dialects of Arkhangel'sk region] // O. G. Getsova (ed.). Vol. 1. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1980]
- Барсов 1872 — Е. В. Барсов. Причитанья северного края. Изданы при содействии Общества любителей русской словесности. М.: Тип. «Современ. Изв.», 1872. [E. V. Barsov. Prichitan'ia severnogo kraia. Izdany pri sodeistvii Obshchestva liubitelei russkoi slovesnosti [Lamentations of the Northern land. Published with assistance of the Society of Russian philologists]. M.: Tip. "Sovremen. Izv.", 1872]

- Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. [A. A. Zalizniak. Drevnenovgorodskii dialekt [Old Novgorod dialect]. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004]
- Ковтунова 1976 — И. И. Ковтунова. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976. [I. I. Kovtunova. Sovremennyi russkii iazyk. Poriadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniia [The contemporary Russian language. Word order and the information structure of the clause]. M.: Prosveshchenie, 1976]
- Коношенко 2009 — М. Б. Коношенко. Дифференцированное маркирование объекта в калмыцком языке // С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская (ред.). Исследования по грамматике калмыцкого языка. Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН V (2), 2009. С. 42–76. [M. B. Konoshenko. Differentsirovannoe markirovanie ob"ekta v kalmytskom iazyke [Differential object marking in Kalmyk] // S. S. Sai, V. V. Baranova, N. V. Serdabol'skaia (eds.). Issledovaniia po grammatike kalmytskogo iazyka. Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvistichekikh issledovaniy RAN V (2), 2009. P. 42–76]
- Котков 1959 — С. И. Котков. Конструкции типа «земля пахать» в истории южновеликорусских говоров // Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка XVIII (1), 1959. С. 45–53. [S. I. Kotkov. Konstruktsii tipa “zemlia pakhat” v istorii iuzhnovelikorusskikh govorov [“Zemlia pakhat”-like constructions in the history of the South Great Russian dialects] // Izvestiia Akademii Nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka XVIII (1), 1959. P. 45–53]
- Крысько 1994 — В. Б. Крысько. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М.: Lyceum, 1994. [V. B. Krysk'o. Razvitie kategorii odushevlenosti v istorii russkogo iazyka [The development of the animacy category in the history of Russian]. M.: Lyceum, 1994]
- Кузьмина, Немченко 1964 — И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русском языке // Р. И. Аванесов (ред.). Вопросы диалектологии восточнославянских языков. Москва: Наука, 1964. С. 151–176. [I. B. Kuz'mina, E. V. Nemchenko. K voprosu o konstruktsiiah s formoi imenitel'nogo padezha imeni pri perekhodnykh glagolakh i pri predikativnykh narechiakh v russkom iazyke [On nominative noun with transitive verbs and predicative adverbs constructions in Russian] // R. I. Avanesov (ed.). Voprosy dialektologii vostochno-slavianskikh iazykov. Moskva: Nauka, 1964. P. 151–176]

- Лютикова 2014 — Е. А. Лютикова. Падеж и структура именной группы: вариативное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Серия Филологические науки 4, 2014. С. 50–70. [E. A. Liutikova. Padezh i struktura imennoi gruppy: variativnoe markirovanie ob"ekta v misharskom dialekte tatarskogo iazyka [Case and noun phrase structure: differential object marking in Mishar dialect of Tatar] // Vestnik MGGU im. M. A. Sholokhova. Filologicheskie nauki 4, 2014. P. 50–70]
- Маркова 1989 — Н. В. Маркова. Диалектные способы выражения субъекта и объекта в Онежских говорах и их история. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М., 1989. [N. V. Markova Dialektnye sposoby vyrazheniya sub"ekta i ob"ekta v Onezhskikh govorakh i ikh istoriya [Non-standard ways of expressing subject and object in Onega dialects and their history]. PhD Thesis. M., 1989]
- Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотносённость с действительностью. М.: Наука, 1985. [E. V. Paducheva. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu [Utterance and its correlation with reality]. M.: Nauka, 1985]
- Попов 2012 — А. В. Попов. Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей в санскрите, древнегреческом, латинском и других языках. М.: URSS, 2012. [A. V. Popov. Sravnitel'nyi sintaksis imenitel'nogo, zvatel'nogo i vinitel'nogo padezhei v sanskrite, drevnegrecheskom, latinskom i drugikh iazykakh [Comparative syntax of the nominative, vocative and accusative in Sanskrit, Ancient Greek, Latin and other languages]. M.: URSS, 2012]
- Потебня 1958 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Том 2. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1958. [A. A. Potebnia. Iz zapisok po russkoi grammatike [Extracts from notes on Russian grammar]. Vol. 2. M.: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniia RSFSR, 1958]
- Ронько 2016 — Р. В. Ронько. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в инфинитивных клаузах в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении 1 (31), 2016. С. 158–182. [Ron'ko 2016 — R. V. Ron'ko. Differentsirovannoe markirovanie primogo dopolneniia v infinitivnykh klauzakh v drevnerusskom iazyke [Differential direct object marking in infinitive clauses in Old Russian] // Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii 1 (31), 2016. P. 158–182]
- Сердобольская, Толдова 2012 — Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-

- угорских языках // А. И. Кузнецова (отв. ред.), Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова, С. С. Сай, Е. Ю. Калинина. Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 59–142. [N. V. Serdobol'skaia, S. YU. Toldova. Differential object marking in Finno-Ugric languages] // A. I. Kuznetsova (ed.) Finno-ugorskie iazyki: Fragmenty grammaticheskogo opisaniia. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody. M.: «IAzyki slavianskikh kul'tur», 2012. P. 59–142]
- Собинникова 1958 — В. И. Собинникова. Отношение говоров Гремяченского района Воронежской области к другим русским говорам по данным синтаксического строя // Славянский сборник 2. Воронеж: Филологический ВГУ, 1958. С. 61–77. [V. I. Sobinnikova. Otnoshenie govorov Gremiachenskogo raiona Voronezhskoi oblasti k drugim russkim govoram po dannym sintaksicheskogo stroia [The relation between the dialects of the Gremiach'e district of the Voronezh region and other Russian dialects according to its syntactic system] // Slavianskii sbornik 2. Voronezh: Filologicheskii VGU, 1958. P. 61–77]
- Степанов 1984 — Ю. С. Степанов.оборот *земля пахать* и его индоевропейские параллели // Известия Академии Наук СССР. Серия литературы и языка 43 (2), 1984. С. 128–143. [YU. S. Stepanov. Oborot "zemlia pakhat" i ego indoeuropeiskie paralleli ["Zemlia pakhat" construction and its Indo-European parallels] // Izvestiia Akademii Nauk SSSR. Seriiia literatury i iazyka 43 (2), 1984. P. 128–143]
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. [Testelet's 2001 — IA. G. Testelet's. Vvedenie v obshchii sintaksis [An introduction to general syntax]. M.: RGGU, 2001]
- Филин 1969 — Ф. П. Филин. Из истории синтаксиса восточнославянских языков. О форме именительного падежа имен женского рода на -а (-я) в значении аккузатива // Вопросы языкознания 3, 1969. С. 70–82. [F. P. Filin. Iz istorii sintaksisa vostochnoslavianskikh iazykov. O forme imenitel'nogo padezha imen zhenskogo roda na -a (-ia) v znachenii akkuzativa [Notes on the history of East Slavic. On the nominative feminine form -a (-ia) in the accusative function] // Voprosy iazykoznanii 3, 1969. P. 70–82]
- Янко 2001 — Т. Е. Янко. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: ЯСК, 2001. [T. E. YAnko. Kommunikativnye strategii russkoi rechi [Communicative strategies in Russian speech]. M.: IASK, 2001]
- Aissen 2003 — J. Aissen. Differential Object Marking: Iconicity vs. Economy // Natural Language and Linguistic Theory 21, 2003. P. 435–483.
- Ambrazas 200 — V. Ambrazas. On the development of the nominative objects in Baltic // Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). The Circum-

- Baltic Languages. Grammar and Typology. Vol. 1. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2001. P. 391–412.
- Bossong 1985 — G. Bossong. Empirische Universalienforschung. Differentielle Objektmarkierung in neuiranischen Sprachen. Tübingen: Narr, 1985.
- Givon 1990 — T. Givon. Syntax: A functional-typological introduction. Vol. II. Amsterdam: John Benjamins, 1990.
- Jäger 2007 — G. Jäger. Evolutionary game theory and typology: A case study // *Language* 83 (1), 2007. P. 74–109.
- Seržant 2016 — I. Seržant. Nominative Case in Baltic in the Typological Perspective // A. Holvoet, N. Nau (eds.). *Argument Structure in Baltic*. [Valency, Argument Realization and Grammatical Relations in Baltic 3]. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2016. P. 137–198.
- Seržant, Taperte 2016 — I. A. Seržant, J. Taperte. Differential Argument Marking with the Latvian Debitive: a Multifactorial Analysis (together with Jana Taperte) // A. Holvoet, N. Nau (eds.). *Argument Structure in Baltic*. [Valency, Argument Realization and Grammatical Relations in Baltic 3]. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2016. P. 199–258.
- Silverstein 1976 — M. Silverstein. Hierarchy of features and ergativity // R. M. W. Dixon (ed.). *Grammatical Categories in Australian Languages*. Canberra: Australian Institute for Aboriginal Studies, 1976. P. 112–171.
- Timberlake 1974 — A. Timberlake. *The Nominative Object in Slavic, Baltic, and West Finnic*. Munich: Verlag Otto Sagner, 1974.
- Timberlake 1975 — A. Timberlake. The Nominative object in Finnish // *Lingua* 35, 1975. P. 201-230.
- Witzlack-Makarevich, Seržant 2017 — A. Witzlack-Makarevich, I. A. Seržant. Differential argument marking: Patterns of variation // I. A. Seržant, A. Witzlack-Makarevich (eds.). *The Diachronic Typology of Differential Argument Marking*. [Studies in Diversity Linguistics]. Berlin: Language Science Press, 2017.